

ДИАЛОГ

ПОЛИТИКА • ПРАВО • ЭКОНОМИКА

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ

№ 2
2016

В. А. Томсинов

Украинский кризис и международный правопорядок

Аннотация: В статье рассматривается украинский кризис с позиции существующего международного правопорядка и дается оценка современного международного права с точки зрения украинского кризиса.

Ключевые слова: украинский кризис, международное право, геополитика.

V. Tomsinov

Ukrainian Crisis and International Legal Order

Summary: The article is devoted to consideration of the Ukrainian crisis from the position of the existing international legal order and the assessment of contemporary international law from the point of view of the Ukrainian crisis.

Keywords: Ukrainian crisis, international law, geopolitics.

Понятие «украинский кризис» часто используется в статьях и книгах, посвященных трагическим событиям, терзающим в последние годы Украину. Оно является, конечно, слишком общим и условным, но более адекватный термин для обозначения разрушительных процессов, происходящих в настоящее время на Украине, придумать трудно. Уж слишком необычный феномен представляют собой эти процессы.

По своей глубинной сущности украинский кризис является прежде всего цивилизационным, социокультурным и мировоззренческим. Украинская часть русской цивилизации превратилась в общность, спаянную ненавистью ко всему русскому, стала в высшей степени враждебной по отношению к русской нации, и с точки зрения интересов русской цивилизации это невозможно оценить иначе как *самую большую катастрофу после распада СССР*.

Вместе с тем нельзя не видеть, что украинский кризис — это еще и очередное проявление конфликта геополити-

ческого характера между Россией и Западом, влекущего за собой переустройство международного правопорядка.

Не вся подоплека данного геополитического конфликта видна и понятна. Не все мотивы и устремления, движущие силами, которые его вызвали, объяснимы с позиции разума. Многие факторы постигшей Украину государственной катастрофы уходят своими корнями в прошлое. Но общий смысл возникшего на территории Украины геополитического конфликта вполне ясен. Произошедший в Киеве в конце февраля 2014 г. государственный переворот, в результате которого был отстранен от власти законно избранный президент, позволил создать на Украине самое проамериканское и антироссийское правительство из всех действовавших в этой стране со времени обретения ею государственной независимости. Данный факт признается очевидным влиятельными западными аналитическими центрами и авторитетными политологами США.

Дж. Фридман, основатель и директор частной разведывательно-аналитической организации «Стретфор» (Strategic Forecasting Inc.), отмечает в своей статье «Взгляд за пределы Украины»: «Соединенные Штаты в настоящее время имеют прозападное правительство на Украине. Если это правительство продолжит существовать и укрепляться, позиция России станет полностью оборонительной, и Москва лишится положения, представляющего угрозу» [1].

Оценки кризисной ситуации на Украине как нового геополитического столкновения западного мира с Россией начали появляться на страницах западных журналов и газет в конце 2013 г. После воссоединения Крыма с Россией они стали преобладающими. При этом все аналитики сходятся во мнении, что возникшее по поводу Украины противостояние Запада и России будет продолжаться долго и приведет к серьезному изменению расстановки сил на мировой арене.

К. Б. Канат, преподаватель политических наук в Университете штата Пенсильвания, опубликовал в турецкой газете «Daily Sabah» (от 17 марта 2014 г.) статью с примечательным названием «Украинский кризис как новая шахматная доска глобальной геополитики», в которой заявил, что кризис на Украине «не только сталкивает западные державы и Россию лицом к лицу в Крыму, но также становится глобальной шахматной доской, на которой глобальные державы ведут свою игру... Кризис и его последствия будут основным фактором, определяющим будущее глобальной геополитики» [2].

Изменения в расстановке сил на мировой арене всегда отражались на состоянии международного права, вся история которого свидетельствует, что его название «международное», или, что точнее, «межгосударственное», носит весьма условный характер. Пространство действия этого права никогда не включало весь мир, все народы, все государства, но ограничивалось лишь

сферой отношений между вполне зрелыми государственными организациями. Все страны так или иначе участвовали в формировании нормативной и доктринальной системы международного права, но определяющую роль в международном правотворчестве и, соответственно, в становлении и развитии международного правопорядка всегда играла узкая группа наиболее сильных государств, для обозначения которых в русском языке есть удачное слово — «держава». Такие государства действительно являются *державными* в своих руках судьбы мира, и конечно, именно на них *держится* международный правопорядок. Экономические, политические, культурные интересы государств-держав не могут не сталкиваться. Баланс этих интересов и кладется, как цементирующий раствор, в основание международного правопорядка.

Особенностью украинского кризиса является то, что составляющий его содержание конфликт затронул в той или иной мере целый ряд основополагающих начал и доктрин международного права: принцип суверенного равенства государств, территориальной целостности, право народа на самоопределение, принцип неприменения силы или угрозы силой в международных отношениях, принцип невмешательства во внутренние дела государств и др. При этом данный кризис предельно ясно показал, что в условиях, когда геополитический конфликт между государствами разворачивается на территории третьего государства вышеуказанные принципы международного права приобретают новые смыслы, вследствие чего прежние, устоявшиеся, их толкования утрачивают свое значение.

При отсутствии между государствами конфликта, сильно ущемляющего их жизненно важные интересы, нарушение одним из них принципа невмешательства во внутренние дела государств может быть предотвращено или устранено с помощью обыкновенных протестов или заявлений. Однако если такие нару-

шения международного права случаются в условиях геополитической борьбы, в которой ставкой является выживание государства, его будущее существование, то обычные механизмы их устранения, предусмотренные международно-правовыми документами в расчете на стабильную ситуацию, совершенно не работают. В таких ситуациях более эффективным оказывается действие государственной власти по принципу талиона: *если невозможно предотвратить вмешательство какого-либо государства во внутренние дела другого государства, прекратить поддержку им той или иной политической группировки, то такую деятельность следует уравновесить аналогичным вмешательством и поддержкой противоположной политической группировки.*

Поэтому представляется целесообразным дополнить устоявшуюся систему норм, принципов, процедур международного права, предполагающих стабильное состояние международных отношений, совокупностью норм, принципов, процедур, специально предназначенных для применения в конфликтных ситуациях. Иными словами, в современных условиях интересы поддержания стабильного международного правопорядка требуют, чтобы наряду с ординарным международным публичным правом существовало *экстраординарное международное публичное право.*

Украинский кризис не только высвечивает реальное состояние современного международного права, показывая его слабости, пробелы, недостатки, противоречия, но и дает понять, в каком направлении оно должно развиваться, чтобы сохранить свою значимость в регулировании международных отношений.

Механизмы вмешательства западных держав во внутренние дела других государств постоянно совершенствуются. В последнее десятилетие распространилась практика использования для вооруженной интервенции военных специалистов, нанятых не государ-

ством, а частными коммерческими компаниями. Применяется и масса других уловок, чтобы скрыть фактическую агрессию одного государства против другого.

Международное право просто не успевает предусмотреть подобные хитрости. И никогда не будет успевать. Украинский кризис предельно ясно демонстрирует: *необходима смена технологии развития международного права, его нормы и принципы должны соответствовать реалиям международных отношений.* Но при этом нельзя устанавливать это соответствие искусственным путем.

Как известно, одним из главных принципов современного международного права является принцип суверенного равенства государств. Он определяет статус государств как самостоятельных игроков на мировой арене. Будучи равными в качестве субъектов международного права, государства не равны во всех других отношениях. Возникает противоречие, которое чаще всего разрешается вмешательством более сильного государства во внутренние дела государства более слабого.

Современное международное право признает вмешательством во внутренние дела государств множество различных действий, налагая запрет на их совершение. Однако немало таких действий государствами регулярно осуществляется. Почему? Да потому что они воплощают собой вполне естественную для любого нормального государства политику. Если какое-либо государство имеет возможность подчинить себе другое государство, причем исключительно мирными средствами, почему оно должно упускать такую возможность? Лоббизм в одних правовых системах считается правонарушением, а в других он признается в качестве законного действия, совершаемого, правда, при соблюдении определенных, установленных законом условий.

Декларация о принципах международного права, касающихся друже-

ственных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 24 октября 1970 г., запрещает государству или группе государств «вмешиваться прямо или косвенно по какой бы то ни было причине во внутренние и внешние дела любого другого государства». Согласно ее положениям «вооруженное вмешательство и все другие формы вмешательства или всякие угрозы, направленные против правосубъектности государства или против его политических, экономических и культурных основ являются нарушением международного права».

Названная декларация также устанавливает: «Ни одно государство не может ни применять, ни поощрять применение экономических, политических мер или мер любого иного характера с целью добиться подчинения себе другого государства в осуществлении им своих суверенных прав и получения от этого каких бы то ни было преимуществ. Ни одно государство не должно также организовывать, разжигать, финансировать, подстрекать или допускать подрывную, террористическую или вооруженную деятельность, направленную на насильственное свержение строя другого государства, равно как и способствовать ей, а также вмешиваться во внутреннюю борьбу в другом государстве».

Применение силы, имеющее целью лишить народы их национальной самобытности, является нарушением их неотъемлемых прав и принципа невмешательства.

Каждое государство обладает неотъемлемым правом выбирать себе политическую, экономическую, социальную и культурную систему без вмешательства в какой-либо форме со стороны какого бы то ни было другого государства».

В приведенном перечне есть, как видим, и запрет государству применять или поощрять «применение экономических, политических мер или мер любого иного характера с целью добиться под-

чинения себе другого государства в осуществлении им своих суверенных прав и получения от этого каких бы то ни было преимуществ». Но разве практика международных отношений не свидетельствует о том, что действия, объявленные в этой статье запрещенными, являются для многих государств скорее нормой поведения, нежели нарушением правил?

С другой стороны, норма, запрещающая государствам применять силу для лишения народов их национальной самобытности или препятствовать выбору народами политической, экономической, социальной и культурной системы, в современных условиях явно приобретает все большее значение. Соответственно, ее надо развивать, совершенствовать.

Пример Украины показывает, что держава, стремящаяся силой лишить народ в другом государстве его национальной самобытности, чаще всего действует через посредство внутригосударственной власти. В этом случае нет открытых проявлений вмешательства одного государства во внутренние дела другого государства, но в скрытой форме оно явно имеет место. Президент Института международного права Р. Мюллерсон именно так оценивает политику США по отношению к Украине: «Когда в Киеве начались массовые протесты в ответ на отказ подписать соглашение об ассоциации с Евросоюзом, это могло оставаться внутренним делом Украины. Но представители западных государств, возмущенные тем, что украинский президент их “кинул”, отвергли один из краеугольных принципов мировой политики — невмешательство во внутренние дела других государств. Аберрация сознания сегодня столь сильна, что на Западе очень многие, включая представителей власти, искренне не понимают: визиты официальных лиц США и Евросоюза на Майдан с обещаниями поддержки противоречили международному праву. Не говоря уж о том, что компромиссы стали невозможны, поскольку

сторонники революции уверовали, будто внешние державы сделают все ради их победы, хотя ожидавшийся масштаб зарубежной помощи был преувеличенным. Любые договоренности о справедливом распределении власти, которые часто оказываются единственным способом избежать конфронтации в исторически, этнически и культурно разделенном украинском обществе, оказались исключены. В годы холодной войны большинство экспертов и государств, по крайней мере на словах, признавали принцип невмешательства. И когда Вашингтон и Москва все же участвовали в событиях, происходивших «на заднем дворе» друг у друга, они делали это тайно, под прикрытием, а не демонстрировали явное взаимное неуважение. Теперь многие считают данный принцип устаревшим» [3, с. 86–87].

Принципы неприменения силы или угрозы силой в межгосударственных отношениях, невмешательства во внутренние дела государств, территориальной целостности государств и подобные им призваны защищать государства от гибели в результате противоправных действий других государств. Исторический опыт свидетельствует, однако, что главный субъект международного права одновременно является чрезвычайно уязвимым. Он беззащитен перед внутренними пороками, способными вызвать революционную бурю, которая, если соединится с внешними разрушительными воздействиями, может буквально в несколько дней сокрушить государственный организм. Уязвимо государство и для воздействия на него разрушительных внешних сил. С этой точки зрения особую опасность для него представляют конфликты цивилизационного и геополитического характера.

Геополитические конфликты между государствами чаще всего сопровождаются нарушениями норм и принципов международного права. Конфликтующие стороны в своих действиях, как правило, ориентируются только на собственные интересы и, если не могут от-

стоять их или реализовать в соответствии с устоявшимся международным правопорядком, легко выходят за его рамки. Украинский кризис не является исключением из этого правила. «Мы наблюдаем тревожное размывание принципов неприменения силы и невмешательства во внутренние дела государств,— сетует Р. Мюллерсон.— Соревнование России и Запада за Украину напоминало борьбу между европейскими империями за Африку в XIX веке. Неужели страны НАТО не понимают, что Китай или Россия могут также прибегнуть к манипуляциям из их арсенала? Но это явно не арсенал международного права» [3, с. 88].

Опыт геополитических конфликтов второй половины XX — начала XXI в. показывает, что участвующие в них государства, преследуя в первую очередь собственные интересы и допуская нарушения международного права, тем не менее не отказываются от него, вполне признают его ценность и нередко даже состязаются между собой в демонстрации уважения к его принципам и нормам. Международное право используется в таких случаях не по своему прямому назначению, т. е. для достижения компромисса, разрешения конфликта между государствами и стабилизации международных отношений, а в качестве *инструмента идеологической борьбы*.

Подобное отношение к международно-правовым принципам и доктринам является особенно характерным для США, чьи руководители на протяжении двух последних десятилетий регулярно затевают авантюры, подрывающие международный правопорядок. Достаточно вспомнить военную операцию НАТО против Югославии в 1999 г., вторжение в 2003 г. войск США и их союзников в Ирак с последующей оккупацией этой страны, войну США вместе с НАТО против Ливии в 2011 г. и т. д.

Так называемый украинский кризис отчетливо демонстрирует ту же закономерность: вмешательство США во внутренние дела ослабленного, разьедаемого коррупцией украинского государства

окончательно нарушило исторически сложившееся, существовавшее более двух десятилетий равновесие политических сил в этой стране, подтолкнуло киевские власти к развязыванию в стране гражданской войны, ускорило дальнейшее разрушение самостоятельной украинской государственности, возникшей в результате крушения СССР в начале 1990-х гг.

Действия США и их европейских союзников в нынешнем украинском кризисе есть продолжение той политической линии, которая настойчиво, невзирая на любые нарушения международного права, проводилась ими в названных выше случаях, которые *являлись не просто военными интервенциями против суверенных государств, но одновременно и операциями, направленными на переформатирование международно-правового порядка, приспособление международного права к интересам США.*

Именно эти операции, представляющие собой периодически совершаемые западными юристами-международниками манипуляции с нормативной и доктринальной основой международного права, несут в себе самую большую опасность для международного правопорядка. Грубое нарушение Соединенными Штатами международно-правовых норм и принципов причиняло бы намного меньший ущерб человечеству, если бы оно признавалось таковым, если бы не прилагались разного рода юридическими комиссиями или отдельными западными правоведами настойчивые усилия представить допущенные США очевидные, вопиющие беззакония вполне легитимными.

Превращая нормативный и доктринальный материал международного права из инструмента поддержания стабильного порядка в международных отношениях в совокупность чисто идеологических, пропагандистских догм, прикрывающих произвол сверхдержавы по отношению к другим государствам, США лишают его юридического авторитета. Недаром в последние два десяти-

летия все чаще при обсуждении проблем международного права возникает вопрос, является оно настоящим правом или нет.

В цепи событий, составивших украинский кризис, определяющим звеном стал государственный переворот, совершенный в Киеве в феврале 2014 г. Без этого события был бы невозможен выход Крыма из состава Украины в том виде, как он произошел в марте того же года.

Многие факты, особенно те, которые касаются механизма принятия важнейших государственных решений, убедительно свидетельствуют, что Украина в результате государственного переворота 21–22 февраля 2014 г. утратила свой государственный суверенитет. Это означает, что все области Украины, Автономная Республика Крым и Севастополь оказались, по существу, в другом политическом образовании, которое не имело признаков полноценного, самостоятельного государства. Причем население украинских областей и Крымского полуострова даже не спросили, желает ли оно жить в таком политическом образовании.

Воссоединение Крыма с Россией принадлежит к таким случаям в практике международных отношений, для юридической оценки которых необходимо аналитическое исследование целого ряда основополагающих принципов, институтов и проблем международного права и прежде всего права народа на самоопределение, условий и способов его реализации, его соотношения с принципом территориальной целостности государств, проблемы сепарации, юридической природы независимости и суверенитета и т. д. [4] Но методика этого исследования должна учитывать природу международного права и особенности существующего в настоящее время международного правопорядка.

Те, кто определяет воссоединение Крыма с Россией как явное нарушение международного права или как событие, противоречащее международному праву, не задаются весьма простым

вопросом: *какое международное право было нарушено воссоединением Крыма с Россией?*

В устройстве международного сообщества, в сфере международной политики, в раскладе сил между государствами в последнюю четверть века произошли коренные перемены. Самой главной из них стало исчезновение вследствие распада советской империи дуалистического, двуполярного мира, вращавшегося вокруг двух сверхдержав — СССР и США, каждая из которых воплощала к тому же и особый социально-экономический и политический строй (социализм и капитализм). Вместо этого удивительного мира в начале 1990-х гг. возник другой — однополярный, с единственной сверхдержавой. Эта перемена не могла не отразиться на международном праве.

В своем поведении на мировой арене ведущие мировые державы всегда исходят из собственных интересов, что особенно отчетливо проявляется в моменты острых международных кризисов¹. Одновременное присутствие на мировой арене двух сверхдержав, обладавших ядерным оружием и, соответственно, возможностью несколько раз уничтожить друг друга (как, впрочем, и вообще все живое на Земле), заставляла каждую из них ограничивать свои притязания определенными рамками, установленными международным правом, придерживаться принципов мирного сосуществования, суверенного ра-

венства государств, их невмешательства во внутренние дела друг друга, неприкосновенности силы или угрозы силой, нерушимости государственных границ, территориальной целостности. Названные принципы составляли главное содержание международного права эпохи дуалистического мироустройства, двуполярного мира. Превалирующие в настоящее время юридические оценки произошедшего в марте 2014 г. воссоединения Крыма с Россией даются, как правило, с позиции именно этого международного права².

Но после распада СССР и утверждения США в качестве единственной сверхдержавы, которая к тому же стремится проводить свои интересы вопреки сложившимся нормам и традициям международного правопорядка, состояние международного права претерпело качественные изменения. Специалист по американской внешней политике и международным отношениям профессор колледжа Колорадо Д. Хендриксон в статье «К универсальной империи: опасное стремление к абсолютной безопасности (односторонние действия США и доктрина превентивной войны)», опубликованной в 2002 г., следующим образом охарактеризовал новую ситуацию на мировой арене, возникшую в 1990-е гг.: «Ни в какое время за последние 50 лет Соединенные Штаты не стояли в таком антагонизме как к первичным нормам, так и к центральным институтам международного сообщества. Причину нетрудно обнаружить. Эти правила и институты передают простое послание (message) администрации Буша: посредством права вы не сможете делать то, что хотите делать (вторгаться в Ирак, затевать превентивные войны и т. д.). Следовательно, эти нормативные и институциональные

¹ Так, рассказывая о Карибском кризисе во взаимоотношениях СССР и США, который возник в октябре 1962 г. вследствие размещения советских ракет на Кубе, американский дипломат Д. Ачесон (*Dean Gooderham Acheson*, 1893–1971), занимавший пост государственного секретаря в период второго президентства Трумэна, пояснял позицию своей страны следующими весьма примечательными в этом плане словами: «Власти, положению и престижу Соединенных Штатов был брошен вызов со стороны другого государства; а право просто не имеет дела с такими вопросами высшей власти — власти, которая близко стоит к источникам суверенитета. Я не могу поверить, что существуют принципы права, по которым мы должны допустить уничтожение нашего образа жизни» (Acheson D., Chayes A., Wright Q. *The Cuban Quarantine* // *Proceedings of the American Society of International Law at Its Annual Meeting (1921–1969)*. 1963. Vol. 57. Law and Conflict: Changing Patterns and Contemporary Challenges. P. 14).

² В качестве примера такого всецело догматического подхода к юридической оценке воссоединения Крыма с Россией можно назвать недавно изданную книгу Т. Гранта с весьма примечательным названием: «Агрессия против украинской территории» (Grant Th. D. *Aggression Against Ukraine Territory, Responsibility, and International Law*. New York, 2015).

ограничения должны быть унижены и опорочены администрацией как мощи прошлой эпохи» [5].

Не встречая в мире преград своим эгоистическим устремлениям, США стали подчинять международное право исключительно собственным интересам, превращая его в идеологическую систему, оправдывающую любые их внешнеполитические действия, в том числе открытое вмешательство во внутренние дела других государств. При этом в качестве главных оснований для интервенции в иностранные суверенные государства стали выдвигаться такие поводы, как защита прав человека, спасение или создание демократического строя, борьба с терроризмом и т. д. Профессор международных отношений Бирмингемского университета Н. Вилер следующими словами оценил данную тенденцию во внешней политике США: «Отнюдь не стремясь изменить общие правила применения силы, Америка добивается освобождения себя от них, одновременно требуя особого права вмешиваться, чтобы защитить Соединенные Штаты от опасностей, связанных с глобальным терроризмом» [6].

В результате сформировались контуры нового международного правопорядка, соответствующего характеру однополярного мира, с одним государством-сверхдержавой и предполагающего более широкие возможности для вмешательства США во внутренние дела других государств. В данном контексте по-новому стали толковаться такие основополагающие для любой правовой системы понятия, как «законность» и «легитимность». Незаконные с точки зрения традиционного международного правопорядка действия государств начали признаваться легитимными, если нарушения международно-правовых норм совершались под предлогом, например, защиты населения какой-либо территории от грубых посягательств на права человека.

В качестве явления, отразившего эту тенденцию, следует назвать в первую

очередь события, связанные с выходом Косово из состава Сербии, — так называемый косовский прецедент. Косовские албанцы не имели никаких шансов на реализацию права на самоопределение путем выхода из состава Сербии и образования собственного государства, если бы их не поддержали США и ведущие западноевропейские державы, а НАТО не провела бы с 24 марта по 10 июня 1999 г. военную операцию против Югославии. Затеянная без соответствующего мандата ООН, эта операция свелась в основном к бомбардировке военных и гражданских объектов на территории Сербии, и в частности в ее столице — Белграде. Однако в официальном документе под названием «Косовский доклад: конфликт. Международный ответ. Выученные уроки», составленном независимой международной комиссией по Косово, которая была создана по инициативе премьер-министра Швеции Х. Й. Перссона и одобрена Генеральным секретарем ООН К. Аннаном, она была представлена оправданной с точки зрения интересов поддержания международного правопорядка.

«Комиссия делает вывод, — говорилось в начале указанного доклада, — что военная интервенция НАТО была *незаконной, но легитимной* (выделено мною. — В. Т.). Она была незаконной, потому что не получила предварительного одобрения от Совета Безопасности Организации Объединенных Наций. Несмотря на это, Комиссия считает, что интервенция была оправдана тем, что все дипломатические средства были исчерпаны, и потому что интервенция имела своим результатом освобождение большинства населения Косово от длительного периода угнетения под сербским правлением» [7].

Тема легитимности не является новой для международного права, но в последние два десятилетия она, безусловно, привлекает к себе повышенный интерес правоведов и политологов, специалистов в области международных отношений. До этого публикации на данную

тему появлялись довольно редко, но с начала 1990-х гг. их поток стал нарастать. В последнее десятилетие ежегодно выходят десятки книг и статей о легитимности в международном праве, содержании и смысле этого принципа, его соотношении с принципом законности. Такое большое внимание к одной из важнейших проблем международного права не может быть случайным. После распада СССР международный правопорядок переживает критические времена: в нем происходят коренные перемены, и если определять их как революцию, то правильнее будет сказать, что сущность перемен в современном международном праве составляет *революция легитимности*. По словам американского политика и журналиста Р. Кагана, «борьба за то, чтобы определить и получить международную легитимность в эту новую эпоху, может оказаться среди критических противостояний нашего времени в некотором смысле так же значимой в определении будущей международной системы и места Америки в ней, как и любой чисто материальной меры власти и влияния» [8].

Слова «*legitimacy*» (легитимность) и «*legality*» (законность) имеют общий корень, и смыслы их не могут не совпадать, однако сам факт употребления двух этих понятий показывает, что они отличаются одно от другого по своему содержанию и значению.

Легитимность имеет более объемное содержание по сравнению с законностью, но, согласно логике, не может не включать в себя законность, т. е. не может быть *легитимностью беззакония*. Иначе получается бессмысленность, и понятие легитимности обесценивается. Авторы «Косовского доклада» своим заявлением о том, что «военная интервенция НАТО была незаконной, но легитимной», полностью отделили эти понятия одно от другого³: они признали легитимным действие совершенно не-

законное, а значит, использовали определение «*legitimate*» не в качестве термина с богатым содержанием и смыслом, но всего лишь как ширму, прикрывающую беззаконие — действие, характеризующееся определением «*illegal*».

Между тем, если понятие легитимности не использовать в качестве ширмы для творимого на международной арене беззакония, а применять его для оценки международных событий, в частности для характеристики ситуации, возникающей в случае реализации тем или иным народом права на самоопределение путем выхода его из состава государства, то оно сыграет в высшей степени положительную роль при разрешении международных споров.

Международные организации и нормы международного права даже в условиях стабильности в международных отношениях не всегда способны выполнять ту функцию, к которой призваны. Нормативное содержание международного права в силу особенностей своего формирования всегда имеет пробелы и страдает от противоречий. Поэтому при выработке юридической оценки тех или иных событий часто приходится обращаться не к букве, а к духу международного права, прибегать к толкованию международно-правовых норм, искать юридические аргументы в практике Международного Суда ООН и в практических случаях, аналогичных тому, для которого ищутся аргументы.

Но как бы то ни было, полного соответствия той или иной ситуации или какого-либо действия государства конкретным нормам международного права чаще всего не бывает.

Еще менее способно международное право выполнять свою функцию в периоды острого кризиса в международных отношениях. В условиях, когда законность того или иного действия государства невозможно обосновать полностью или хотя бы частично, на помощь приходит понятие легитимности, которое

³ «Косовская дилемма раскрыла нежелательный разрыв между легитимностью и законностью», — отметил в своей статье, посвященной антитеррористиче-

ским войнам, Р. Фальк (Falk R. The Great Terror War. Moreton-in-Marsh, 2003. P. XVI).

опирается на нормы не только права, но и морали, а также на практику разрешения международных споров, правосознание, труды правоведов-международников, мнение влиятельных в мировом сообществе политических группировок.

Важно также отметить, что события, подобные воссоединению Крыма с Россией, можно по-настоящему понять, если на них объективно смотреть не только с точки зрения международного права, моральных ценностей, политической обстановки, но и с позиции геополитических интересов России, Украины и ведущих мировых держав.

Именно такой, предельно широкий, взгляд на международные события предполагает применение для их оценки понятия легитимности. *Однако для того чтобы оно стало использоваться в международном сообществе не в качестве ширмы, прикрывающей беззаконие, а как принцип или критерий, позволяющий дать всестороннюю — как юридическую, так и политическую, и моральную — оценку действиям государств, необходимо ограничение гегемонии США на мировой арене. Именно она является в настоящее время главным препятствием на пути развития такого международного права, которое соответствовало бы реалиям современного мира.*

Это обстоятельство вполне сознается ведущими западными юристами-международниками, политологами и публицистами. «Основной проблемой для сегодняшнего международного сообщества можно считать необходимость приспособления антигегемонистских принципов к новым реалиям преобладания США. Может ли легитимность быть переформатирована в таком контексте? Необходимым условием морального консенсуса должен быть такой результат, чтобы ни один субъект, каким бы могущественным он ни был, не мог постоянно навязывать свою волю... В этом плане могущество Соединенных Штатов представляет собой, возможно, фундаментальную проблему для совре-

менной практики легитимности» [9], — рассуждает Я. Кларк.

В чем конкретно заключается данная проблема, ясно показало воссоединение Крыма с Россией. Это событие, безусловно, должно было подвергнуться тщательному и вдумчивому юридическому анализу специалистов и оценено ими прежде всего с точки зрения международного права — в соответствии с критериями как *законности*, так и *легитимности*. Вместо этого была развернута широкомасштабная пропагандистская кампания, выставившая Российское государство агрессором, а добровольное вхождение Крыма в Российскую Федерацию — обыкновенной аннексией.

Сложнейший и интереснейший случай осуществления права народа на самоопределение путем сепарации — выход Крыма из состава Украины — мог стимулировать развитие международного права, способствовать его обновлению и обогащению множеством новых идей. Вместо этого данный случай сыграл весьма печальную роль: показал, в каком плачевном состоянии находятся мировое сообщество, международный правопорядок и международное право. Последнее перестало пользоваться каким-либо уважением со стороны ведущих мировых держав, выступавших на протяжении ряда столетий главными движущими силами его поступательного развития.

Нормальное состояние международного права невозможно без постоянно действующих механизмов для совершенствования его норм, принципов и доктрин. Такие механизмы всегда предполагают свободные дискуссии между правоведомы различных государств по международно-правовым проблемам, совместный поиск государствами оптимального с точки зрения международного права способа разрешения того или иного геополитического конфликта, достижение компромисса в юридической оценке тех или иных международных событий. Украинский

кризис стал убедительным свидетельством полной атрофии в практике международных отношений жизненно необхо-

димых для международного права механизмов согласования противоположных геополитических интересов.

Использованные источники

1. Friedman G. Borderlands: The View Beyond Ukraine // Stratfor. Geopolitical Weekly. 2014. June 10. URL: http://www.stratfor.com/weekly/borderlands-view-beyond-ukraine?utm_source=freelist-.

2. Kanat K. B. The Ukrainian Crisis as a New Chessboard of Global Geopolitics // Daily Sabah. 2014. March 17. URL: <http://www.dailysabah.com/columns/kilic-bugra-kanat/2014/03/17/the-ukrainian-crisis-as-a-new-chessboard-of-global-geopolitics>.

3. Мюллерсон Р. Два мира — два права? Геополитика под прикрытием законности и морали // Россия в глобальной политике. 2014. № 2. С. 86–95.

4. Томсинов В. А. «Крымское право», или Юридические основания воссоединения Крыма с Россией. М. : Зерцало-М, 2015, 2016. 132 с.

5. Hendrickson D. C. Toward Universal Empire: The Dangerous Quest for Absolute Security // World Policy Journal. 2002. Vol. 19. No. 3. P. 5.

6. Wheeler N. J. The Bush Doctrine: The Dangers of American Exceptionalism in Revolutionary Age // Asian Perspective. 2003. Vol. 27. No. 4. P. 212.

7. The Kosovo Report. Conflict. International Response. Lessons Learned. The Independent International Commission on Kosovo. Oxford, 2000. P. 4.

8. Kagan R. Of Paradise and Power. America and Europe in the New World Order. New York, 2004. P. 108.

9. Clark I. Legitimacy in International Society. New York, 2005. P. 170.

Сведения об авторе

Владимир Алексеевич Томсинов (Москва, Российская Федерация) — заведующий кафедрой истории государства и права юридического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор; tomsinov@yandex.ru

About the Author

Vladimir Tomsinov (Moscow, Russian Federation) — Head of the Department of history of state and law of law faculty of M. V. Lomonosov Moscow State University, Doctor of Law, Professor; tomsinov@yandex.ru